

Оптина пустынь. История места и святынь.

Наставления старцев. Современная жизнь

Автор:

[Андрей Конопленко](#)

Оптина пустынь. История места и святынь. Наставления старцев. Современная жизнь

Андрей Анатольевич Конопленко

Православная библиотека (Эксмо)

Оптина пустынь – знаменитая на весь мир духовная обитель с долгой и необычной историей. Упорно возрождалась она после многих трудностей и разорений и расцветала еще ярче. В наши дни сюда стремятся тысячи паломников со всего света. Каждый слышит о чудесах и мудрости Оптинских старцев. Эта книга поведаст о прекрасной обители, ее богатой и трудной истории, а также великом и неувядающем наследии.

«Наша святая обитель привлекает к себе многих богомольцев, и часто слышится такое мнение, что, побывав раз в Оптиной, стремятся туда всей душой... Вся земля здесь как бы полита кровью и потом святых старцев и молитвами их низводит благодать на души верующих. Нигде в другом месте этого нет».

Преподобный Варсонофий Оптинский

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Андрей Конопленко

Оптина пустынь: история места и святынь: наставления старцев: современная жизнь

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви

Номер ИС Р20-015-0404

В коллаже на обложке использованы фотографии:

Stone36, dmi-sky / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

Damira, alexeyart1, Dance60, Alexander62, siete_vidas / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;

© RomanBabakin, Georgina198, Lacroix2007,

Dance60 / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

© ИП Макеев А.В., текст, 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Вступление

Русская земля издавна славилась своими православными обителями и монашествующими подвижниками благочестия. Огромное влияние оказали они на историю народа и государства Российского, их культуру и духовное развитие. История монастырей стала важнейшей и неотъемлемой частью истории Православия и Русской Православной Церкви. Видное место в числе прославленных русских обителей неоспоримо занимает благословенная Оптиная пустынь, словно бы самой природой предназначенная для созерцательной монашеской жизни и проделавшая нелегкий, но яркий путь от малоизвестной лесной обители до важнейшего центра духовного возрождения русского монашества, средоточия православной духовности, привлекавшего тысячи богомольцев всякого возраста и звания; всеми почитаемого места уникального явления русской духовной жизни – русского старчества.

Пролегал этот путь сквозь многие века и разные эпохи, насыщен был многими событиями – и радостными и горькими, светлыми и драматическими. Оказался соединен с судьбами многих людей, как безвестных монастырских насельников, выносивших тяготы смутных времен и спасавших обитель в выпадавших ей испытаниях, так и просиявших в Оптиной пустыни, известных всей России святых подвижников. О них и их судьбах, их служении и их обители эта книга...

О Введении во храм Пресвятой Богородицы

«Когда Иоаким и Анна... приблизились с посвящаемой Дочерью к храму, то в сретение им вышли с пением из храма служившие в нем священники и сам первосвященник. Благоговейно поставила праведная Анна свою Дочь на первую ступень храмового крыльца. При этом она... обратилась с следующими трогательными словами к Отроковице: «Гряди, Дщерь моя, к Тому, Кто тебя даровал мне! Гряди, кивот освященный, ко многомилостивому Владыке! Гряди, дверь жизни, к милосердному Подателю благ! Гряди, ковчег Слова, в храм Господень! Войди в церковь Божию, радость и веселие мира!» И передавая Ее первосвященнику Захарии, она сказала ему: «Прими, Захария, сень чистую, прими, священник Божий, ковчег непорочный; прими, праведник, фимиам духовный; прими Дщерь, Богом мне данную! Введи и всели Ее на гору святую, в жилище Божию, не испытывая о Ней, но ожидая, что Богу, ее призвавшему, благоугодно будет совершить с Нею»... Крыльцо, на нижней ступени которого была поставлена родителями благодатная Отроковица, имело 15 высоких

ступеней... Пречистая Дева, при виде селения Господня и служителей святыни Его, как бы окрыленная духом любви к Богу и укрепленная силой Его, – одна, никем не поддерживаемая, скоро и бодро взошла по всем ступеням на самый верх храмового помоста. Ангелы Божии... невидимо окружили Ее и служили Ей; и хотя они еще и не ведали тогда таинства воплощения, но как слуги Господа, по повелению Его, служили Богоотроковице при Ея восхождении. Такое сверхъестественное восхождение слабого младенца, который далеко оставил за собою всех старших, поразило удивлением присутствовавших. Следуя с Пречистой Отроковицею к храму, Захария посадил Ее на третьей ступени жертвенника. Здесь – говорит древнее предание – Господь Бог осенил Ее благодатью Своею, и Она возрадовалась духом. Прозрев во вводимой таиницу великих судеб Божиих, первосвященник не остановился там, где обыкновенно стоял молящийся народ, но повел Марию далее, «за первую и вторую завесу», в глубину внутреннего святилища, во «Святая святых», куда не дозволялось входить не только никому из женского пола, но и самим священникам, и куда лишь однажды в год, в день очищения, имел право входить только один первосвященник с жертвенной кровью».

Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы, с изложением пророчеств и прообразований, относящихся к ней, учений Церкви о ней и чудотворных икон ее, на основании Священного Писания, свидетельств св. Отцов и церковных преданий. М.: Типо-Лит. И. Ефимова, 1904. С. 50–51.

Часть I

Возникновение и ранняя история Оптиной пустыни (XIV–XVII веков)

Глава 1

Легенда о создании Оптиной пустыни и ее исторические основания

Оптина пустынь – ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви – принадлежит к числу древнейших монашеских обителей России.

Начало ее теряется в веках. Места, где ныне стоит Оптинская обитель, обитаемы были с незапамятных, доисторических времен. Древнейшие следы человека, которые нашли здесь археологи, относятся к эпохе каменного века. Во второй половине первого тысячелетия христианской эры сюда пришло славянское племя вятичей, вытеснившее прежних обитателей этих земель – финно-угров. Шли годы, столетия, и стали вятичи частью единого государства восточных славян, признали власть могучего Киева, влились в Киевскую Русь. В XI–XII веках среди их до того непроходимых лесов вырастают первые города, зашумела в них жизнь: весело застучали инструменты городских ремесленников, бойко загудели голоса рыночных торговцев, по Оке потянулись караваны купеческих ладей с местными и иноземными товарами. Важным городом стал Козельск, недалеко от которого сейчас стоит Оптинская обитель. В летописях он впервые упомянут под 1146 годом, как город, входящий в состав обширного Черниговского княжества, правители которого соперничали по знатности, богатству и могуществу с самим Киевом.

«Вятичи... жили в лесу как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах. Этого... обычая держались... язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон».

Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012 (Фамильная библиотека: Героический зал). С. 15.

В конце X века, при равноапостольном князе Владимире, Русь приняла крещение. Однако немалая часть вятичей еще долгое время пребывала в язычестве. Принес им слово Божье проповедник Кукша Печерский, иеромонах древнейшего на Руси Киево-Печерского монастыря. Происходил Кукша из знатного вятического рода, состоявшего на службе у киевского князя. После пострига и долгой монашеской жизни в обители отправился он вместе со своим учеником обращать к вере Христовой соплеменников, живших по реке Оке. Сохранились свидетельства о чудесах, явленных Богом во время проповеди Кукши. Однажды по молитве проповедника, убеждающего язычников в силе

Господа и в бессилии почитаемых ими идолов, в засуху пошел обильный дождь. А в другой раз Господь явил чудо, осушив по кукшиной молитве целое озеро. Проповедь Кукши приносила благотворные плоды, и это вызвало злобу упорных приверженцев язычества, вятичских старейшин. Ополчились они на Кукшу, и в 1113 году принял он жестокую смерть от их рук. Лютым истязаниям подвергли проповедника и его ученика, а потом обезглавили. Ныне просветитель вятичей Кукша Печерский почитается Русской Православной Церковью в лике священномучеников.

О подвиге священномученика Кукши

«Блаженный священномученик, прозванный Кукша, один из отцов святого Печерского монастыря, был весьма известен, так как он проповедовал христианство среди неверных вятичей, многих из них просветил св. крещением и обратил от неверия ко Христу. При своей проповеди он творил много великих чудес – прогонял бесов, низвел дождь с неба, иссушил озеро и явил много иных дивных знамений. После многих ужасных мук, он был усечен неверными вместе с учеником своим».

Киево-Печерский патерик, или сказания о житии и подвигах свв. угодников Киево-Печерской Лавры. Одесса: Тип. Е. И. Фесенко, 1902. С. 296, 299.

Но христианство хоть не сразу, но одерживало верх над старыми верованиями, проникало светом своим в самые отдаленные вятичские селения – и в дебри лесные, и в глухие болота. И уже спустя тридцать лет после мученической гибели Кукши, губители его – вятичские старейшины – сами показали себя ревнителями веры христианской, помогая крестить своих сородичей. Обращение вятичей в Православие видно и по обнаруженным археологами древним захоронениям: к концу XII столетия все чаще вятичи погребают усопших по христианскому обряду, часто во время раскопок находят крестики, иконки. Семя, посеянное просветителем вятичей, дало благодатные и обильные всходы. Крещеная Вятичская земля вошла в состав Черниговского епископства, а в XIII веке появились на ней первые монастыри.

Ныне есть три основные версии о времени и обстоятельствах основания Оптинской обители. По одной из них монастырь на месте современной пустыни существовал уже в начале XIII века, еще до страшного для Руси монголо-

татарского нашествия, и вместе с Козельском был razорен степными завоевателями весной 1238 года. Козельск, в то время небольшой городок, оказал захватчикам настолько упорное сопротивление, что пришлось им задержаться у его стен на целых семь недель. Монгольский хан самоуверенно потребовал сдачи города, но жители, собравшись на вече, решили, как говорится в летописи, не уступать, сложить головы свои за веру христианскую. Все попытки степняков захватить город оказались безуспешными. Только почти через два месяца, когда к Козельску подошли новые силы монголов с тяжелыми камнеметами, удалось врагу разрушить его стены. Защищавшие город немногочисленные воины «совет держали выйти на полки татарские» и сделали последнюю отчаянную вылазку, во время которой перебили множество монголов и сожгли их осадные орудия. Но и сами они пали в неравной сече. Только после этого враг смог ворваться в Козельск. Истощенные осадой жители города дрались до последнего, унося жизни все новых и новых захватчиков, пока сражаться стало некому. Разъяренный потерей времени и гибелью многих своих воинов, хан Батый назвал Козельск «злым градом». Он приказал сжечь его дотла, перебив всех уцелевших жителей, вплоть «до сосущих молоко»[1 - Лаврентьевская летопись [Суздальская летопись. Продолжение по Академическому списку] // Полное собрание русских летописей. Л.: АН СССР, 1928. Т. 1. Вып. 3. Стлб. 522.].

Но это случилось через семь недель после появления монголов под Козельском. До того же, пока степное воинство осаждало непокорный город, захватчикам было нужно пропитание, а их лошадям – корм. Поэтому монгольские отряды, как обычно бывало в таких случаях, скорее всего рассеялись по округе, тщательно обыскивали и разоряли окрестности в поисках провианта и фуража. Может быть, монастырь – предшественник Оптиной пустыни, если он в то время действительно существовал, стал жертвой такого разорительного набега...

Тверская летопись об обороне и разорении Козельска

«Батый... пошел к Козельску. Был в Козельске князь юный по имени Василий. Жители Козельска, посоветовавшись между собой, решили сами не сдаваться поганым (так на Руси называли язычников – А. К.), но сложить головы свои за христианскую веру. Татары же пришли и осадили Козельск, как и другие города, и начали бить из пороков (метательных орудий – А. К.), и, выбив стену, взошли на вал. И произошло здесь жестокое сражение, так что горожане резались с

татарами на ножах; а другие вышли из ворот и напали на татарские полки, так что перебили четыре тысячи татар. Когда Батый взял город, он убил всех, даже детей. А что случилось с князем их Василием – неизвестно; некоторые говорили, что в крови утонул. И повелел Батый с тех пор называть город не Козельском, но злым городом; ведь здесь погибло три сына темников (командиров «тьмы» – тумена, монгольского военного подразделения в десять тысяч воинов – А. К.), и не нашли их среди множества мертвых».

Летописные повести о монголо-татарском нашествии / пер. с древнерус. Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 127.

Приверженцы еще одной версии создания обители не спорят о его дате, но предлагают свое объяснение происхождения названия монастыря. По их мнению, слово «оптина» обозначает когда-то существовавший в обители порядок, при котором допускалось совместное («оптом») проживание в ее стенах и монахов, и монахинь. До конца XV века некоторые монастыри состояли из двух половин – мужской и женской, находившихся под управлением одного настоятеля. Возможно, к числу таких монастырей изначально принадлежал и Оптинский. Совместное проживание монахов и монахинь было запрещено на Руси церковным собором 1503 года, но связанное с ним название могло пережить отмененный обычай.

Однако все это только предположения. Подтвердить их или опровергнуть нельзя. Никаких точных данных ни об основании Оптинской обители, ни более-менее подробных свидетельств о ее ранней истории, к сожалению, не сохранилось. Так случилось в силу непростой истории Козельской земли. После Батыева нашествия она еще не раз подвергалась опустошительным вражеским вторжениям и разорялась во время княжеских междоусобиц. Непокойным для Козельской земли выдалось и XVI столетие. В самом его начале у Руси появляется новый грозный и опасный враг – Крымское ханство. То было государство, существовавшее во многом за счет ограбления соседних стран и народов. Уже в 1500 году «пришли татары... под Козельск, и захватили сельцо козельское Олешню», – говорится в Никоновской летописи. В тот раз крымчакам удачи не было: русские воины их, «догнав, побили и полон отбили»[2 - Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. Т. 12. С. 250.]. Но с этого времени Козельская земля, как и другие южнорусские области, стала подвергаться хищническим нападениям крымчаков едва ли не каждый год, а то и чаще. Во время этих набегов, ставших для Руси подлинным

бедствием, разграблялось все, что не находилось за крепостными стенами, а не успевшее укрыться население угонялось в полон, чтобы затем отправиться на невольничьи рынки крымской Кафы и Стамбула. В начале же XVII века Козельская земля разделила бедствия драматического для России Смутного времени, полыхнувшего здесь в полную силу.

В огне всех этих войн горели и разорялись города, беззащитные села, деревни, монастыри. Гибли монастырские и городские хранилища документов с бесценными для историков летописями, писцовыми книгами, рукописями. Поэтому и не сохранились до нашего времени достоверные свидетельства об основании Оптиной пустыни. Потому ничего точно не известно и о ее ранней истории: о ней мы можем лишь догадываться, предполагая, что складывалась она так же, как история всей Козельской земли, история других православных монастырей того края и того времени. И что Оптиная обитель разделяла их судьбы. Как заметил составитель самого известного описания Оптиной пустыни, Лев Александрович Кавелин (впоследствии архимандрит Леонид, 1822–1891), «Козельск и... сопредельная ему пустынь были разорены врагом; при этом случае погибли как монастырские, так и городские архивы, и нам по необходимости осталось в исследовании судеб обители до XVII столетия довольствоваться одними преданиями»[3 - Кавелин Л. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1847. С. 4.].

Действительно, третья, самая распространенная версия возникновения монастыря опирается на предание, ныне широко известное, по которому основал монастырь разбойник по имени Опта. Л. А. Кавелин считает, что случилось это в первой половине XV столетия. Иногда же указывается конец XIV века. В то время земли, на которых была создана обитель, относились к так называемым Верховским, или Верхнеокским княжествам. Располагались эти небольшие по территории княжества между владениями двух извечных соперников – Москвы и Литвы. Верховские князья то переходили на службу к великим князьям литовским, то вновь, когда это было выгодно, возвращались под руку Москвы. Изменой в те времена это не считалось, но и порядка в спорных землях не добавляло. Сильной власти и княжеского правосудия здесь не было, что привлекало людей, честным трудом жить не хотевших, промышлявших грабежом и разбоем, лиходеев и душегубов. Потому наводнили они приграничные Верховские земли, чувствовали себя здесь привольно, сбивались в шайки, грабя и убивая по большим дорогам торговых людей, да и просто проезжий люд. Через места эти проходили важные торговые пути, так что добыча разбойникам всегда была обеспечена. Известен, например, один случай,

когда попав в их засаду, четверо купцов разом лишились товаров на 175 с лишним рублей. А в то время на 20–50 рублей можно было купить целую деревню с землей, постройками, скотом. Разбой в Верховских землях долго не удавалось искоренить даже после установления московской власти.

Похоже, одним из таких, как тогда говорили, «разбойных людишек» и был будущий основатель Оптиной пустыни», возглавлявший шайку, безнаказанно грабящую «честной люд». Но после того как снизошло на него Божье озарение, ужаснулся Опта своей жизни и своему злодейству, раскаялся в нем, удалился от мира и стал истово молиться Богу о прощении. А место, где он поселился, стало почитаться святым. Так и было положено начало Оптиной пустыни. В монашестве Опта принял имя Макарий, отчего и основанная им обитель в стародавние времена больше была известна как Макарьевская.

Есть, правда, и другое объяснение древнего названия монастыря. По нему обитель была названа Макарьевской из-за вроде бы существовавшего в ней до XVII века храма в честь преподобного Макария. Знаменитый историк Русской Церкви, архимандрит Амвросий (Орнатский), в своей многотомной «Истории Российской иерархии», изданной два века назад, называет этот храм главным в обители. А церковь, посвященная Введению во храм Пресвятой Богородицы, была, по его мнению, тогда надвратной, менее важной. Откуда архимандрит Амвросий получил такие сведения, неизвестно. Более они нигде не встречаются. И в период оптинской истории, известный по письменным документам, храм, посвященный преподобному Макарию, ни разу не упоминается. Так что большего доверия заслуживает все же объяснение, по которому старое название монастыря произошло от монашеского имени его основателя.

Амвросий (Орнатский) об Оптиной пустыни и ее храмах

«Макарьевская, или Макарьева Оптина Козельская, Калужской епархии заштатная мужская пустыня находится в Козельском уезде, от города Козельска к северо-востоку в 3 верстах, на правой стороне реки Жиздры. В ней две церкви каменные, первая во имя преподобного Макария, вторая – на воротах – Введения во храм Пресвятой Богородицы».

Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии. М.: Синод. тип., 1813. Ч. 5. С. 42.

Иногда рассказ об обращении жестокого злодея к Богу и праведной жизни вызывает недоверие у скептиков. И это напрасно. Примеры подобных раскаявшихся разбойников встречаются в истории христианства и христианской церкви. Так, иной раз раскаявшегося Опту сравнивают с другим разбойником, жившим гораздо раньше, в IV веке от Р. Х., и в совсем других краях – в Египте, стране, считающейся колыбелью христианского монашества. То был Моисей, по прозвищу «Мурин», т. е. «эфиоп», кем он и являлся по происхождению. В молодости Моисей служил у одного знатного человека. Но после того, как совершил убийство, хозяин его прогнал. Изгнанник прибил к шайке разбойников и, вследствие сурового нрава и физической силы, вскоре стал ее главарем. Несколько лет шайка промышляла грабежами и убийствами, и одно лишь имя Моисея, известного кроме душегубства еще и безудержным, умопомрачительным пьянством, наводило страх на мирных людей. Но затем Моисей раскаялся, пришел в одну пустынную обитель, долго и слезно умолял тамошних монахов принять его к себе. Те сначала разбойнику не поверили, но, видя его искренность, смягчились и приняли в братию, где он с того времени пребывал в смирении и послушании. Спустя же некоторое время поселился Моисей в уединенной келье. Однажды напали на нее четверо разбойников из бывшей его шайки. Но не растерявший физической силы Моисей их скрутил и принес всех разом на плечах в монастырь, чтобы узнать, как быть с плененными дальше. По решению игумена и братии разбойников отпустили. Те же, узнав, что их пощадили, последовали примеру бывшего начальника, раскаялись и приняли монашеский постриг. Проведя многие годы в иноческих подвигах, Моисей был рукоположен во диакона, а затем стал пресвитером. В скиту у него было много учеников. Однажды, уже на склоне лет, Моисею открылось, что нападут на скит берберские разбойники. Тогда он приказал ученикам уйти, спасая свои жизни, после чего с шестью не пожелавшими его покинуть, принял смерть от рук злодеев. Ныне Моисей Мурин почитается в лике преподобных.

Был в Египте и другой схожий пример – с жившим на два столетия позже Моисея Мурина Давидом Ермопольским. Тот также стоял во главе разбойной шайки, промышлявшей в Ермопольской пустыне, отчего и получил свое имя. Но к старости задумался Давид о своей жизни и ужаснулся своим делам. Тогда пришел он к воротам одной обители и попросил монахов впустить его. Когда же настоятель хотел Давиду отказать, тот открыл, кто он такой, сказал, что если монахи его не примут, вернется к прежней злодейской жизни. Будучи взят в обитель, Давид всех в ней превзошел своими иноческими подвигами, а под конец жизни получил дар чудотворений. Ныне, как и Моисей Мурин, Давид Ермопольский почитается в лике преподобных.

Таковы примеры из церковной истории, свидетельствующие о том, что случай русского разбойника Опти не единичен, и возможность искреннего раскаяния закоренелого грешника и обращения его к праведной жизни не является чем-то невозможным. И в «Историческом описании Козельской Введенской Оптиной пустыни» при рассказе об Опте Л. А. Кавелиным приводится цитата из ветхозаветной книги пророка Иезекиля: «И беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет, не умрет. Все преступления его, какие делал он, не припомнятся ему: в правде своей, которую будет делать, он жив будет» (Иезек. XVIII, 21–22).

Преподобный оптинский старец Лев о покаянии

«Если от немощи и обычая злого и согрешаем, но по силе да подвигнемся к покаянию, поелику писано есть: «Нет греха, побеждающего человеколюбие Божие». Наиболее же вконец да не ослабеваем и не отчаемся в милосердии Создателя и Искупителя нашего».

Вы знаете Таинство Покаяния, что оно состоит в оставлении тех слабостей, которыми были мы побеждены... и в сожалении о них. Так и должны поступать, и не сомневаюсь, чтоб вы этого не исполнили. Но враг запинаят нас каким-нибудь мнением, после наводит смущение, вы этому не покоряйтесь, но уповайте на благость Божию, не успокаивайтесь, считая себя грешной».

«Нам же, ежели что и когда прилучится чем и поползнуться, то немедленно прибегаем с покаянием, себя же укорением ко Врачу Небесному; человеколюбивый Господь мало того, что прощает наши бесчисленные грехопадения, но еще и в сыновление приемлет истинно кающихся, для этого-то Он, пришедший на землю, стал призывать сперва грешников, дабы никто из нас своего спасения не отчаивался».

Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: в 2 т. М.: Дар, 2009. Т. 1. С. 51, 170. Т. 2. С. 33.

Только вот в отличие от историй египетских разбойников, рассказ об обращении Опти, в силу непростых судеб основанной им пустыни, мог не сохраниться.

Поэтому «подробности благодатного обращения и последующей за сим жизни отшельника Опти по неведомым судьбам Божиим навсегда сокрыты от нашей любознательности; однако для любомудрствующего духовно несомненно, что, обратясь на путь истины, он соделал... плоды, достойные покаяния, ибо из предводителей шайки душегубцев Господь Бог взыскал его в вожди и наставники душ, ищущих спасения... он благоугодил пред Господом; ибо благословение Божие не оскудевало и не оскудевает доселе над основанною им обителью»[4 - Кавелин Л. Историческое описание... С. 11.].

Глава 2

Оптина пустынь до XVII века

Оптина пустынь расположена в трех километрах от границ современного Козельска. В старину, когда город сильно уступал современному в размерах, это расстояние было большим. Так, в XIX столетии Л. А. Кавелин указал, что обитель отстоит от Козельска на четыре версты. В средние же века, надо думать, монастырь находился от городских стен еще дальше, подтверждая свое название «пустыни», т. е. места уединенного, удаленного от населенной местности. От соседних селений пустынь в стародавние времена отделялась с трех сторон густыми лесами, а с четвертой – рекой.

Л. А. Кавелин, глубоко впечатленный посещением Оптиной пустыни в 1845 году, оставил живописное описание монастырского пейзажа. Из него мы можем понять, что открывалось глазам многочисленных богомольцев и путешественников, приходивших в монастырь в пору его расцвета в XIX столетии. «Подъезжающего к Козельску, – пишет Л. А. Кавелин, – провожает с левой стороны вид глубокой долины, по которой в широком русле протекает река Жиздра; а за нею встает сплошной, бесконечный для глаз бор, который, покрывая нагорный берег реки, издали синеется, как подернутое туманом море; у его-то опушки, на полугоре, омываемой упомянутой рекой, стоит мирное пристанище иноков – Козельская Введенская Оптиная пустынь.

При спуске дороги в луговую долину, богоспасаемая обитель открывается путнику всей красотою своих величественных храмов и башен: с трех сторон, как забрало, окружает ее дремучий бор; с запада у самых стен течет быстрая

Жиздра; по левому берегу ее расстилается зеленым ковром поемный луг, орошаемый излучистой речкой Ключотой... и несколькими озерами; он доходит вплоть до большой дороги, на которой, почти прямо против обители, расположена деревня Стенина; вправо от нее, на возвышении берега, тянется выстроенное в один ряд село Прыски... влево – в симметрии с селом, вверх по течению реки, виден в туманных очертаниях город Козельск... С высокой монастырской колокольни горизонт открывается на еще большее расстояние и тем увеличивается достоинство пленительной картины монастырских окрестностей: по взгорью видны обширные поля, рощи и несколько дальних сел и деревень.

На восток от обители, на расстоянии 150 сажен (одна сажень, мера длины, исчислялась в то время примерно в 213 см – А. К.), расположился скит во имя св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня; он окружен со всех сторон лесом и представляет одно из лучших по своему местоположению пристанищ для желающих спасения».

Восхищенный писатель далее подводит итог своему описанию: «Кто хоть однажды посещал Оптиную пустынь, тот, без всякого сомнения, долго не забудет этого поистине красного места...»[5 - Кавелин Л. Историческое описание... С. 1-2.].

Яркую картину видов обители и их очарования дополнил спустя полвека протоиерей Сергей Четвериков (1867–1947), автор жизнеописаний преподобных Амвросия Оптинского и Паисия (Величковского), книги об Оптиной пустыни. «Белые монастырские здания, – рассказывает он, – и стены и голубые главы церквей с золотыми крестами красиво и величаво выступают на зеленом фоне сосен и елей. Глубокая тишина леса нарушается лишь шорохом падающей ветки или звуком птичьих голосов. Воздух напоен дивным ароматом... Откуда бы ни приближался путник... Оптина пустынь производит одинаково сильное, глубокое какое-то умиротворяющее душу впечатление... Подходя к Оптиной пустыни и днем, и поздно вечером... с наслаждением чувствуешь, что оторвался от городской, суетливой духовно бесплодной и утомительной жизни. Всею грудью вдыхаешь чистый, легкий, ароматный луговой воздух, напоенный благоуханием трав и цветов, любишь открывающимися перед тобою далями и видами, раскинувшимся над тобою необъятным небесным сводом, ночью усыпанным яркими, прекрасными звездами, которых в городе почти никогда не видишь. Чем ближе подъезжаешь к монастырю, тем сильнее охватывает душу особое чувство: словно открывается дверь в XIV и XV век, и оттуда веет старинною,

благочестивою Русью, словно души древних подвижников и молитвенников и их тихие кельи раскрывают перед вами свой внутренний мир»[6 - Четвериков С., прот. Оптиная пустынь // Четвериков С., прот. Правда христианства. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей древней истории, 1998. С. 341–342.].

Преподобный оптинский старец Макарий о монастырях

«Обиталища сии [монастыри] не суть изобретение человеческого ума, но Дух Святой через богодухновенных отцов уставил жительство это для тех, которые позваны будут от Бога, или из любви к Нему, или ради множества грехов своих».

Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: в 2 т. М.: Дар, 2009. Т. 1. С. 506.

Как была устроена Оптиная пустынь после своего основания и в первые века существования, можно представить на примере других монастырей того времени, о которых сохранилось больше сведений. До XIV–XV веков монашеские обители на Руси обычно возникали в городах или пригородах. Основателями их (ктиторами) становились люди, облеченные властью, обладавшие немалым богатством – князья, бояре, архиереи, купцы, сами на старости лет нередко принимавшие в учрежденных обителях постриг. Нередко ктитор даже назначал монастырю настоятеля, а местный архиерей лишь его утверждал. Внешняя жизнь монастырей тогда была тесно связана с властной верхушкой и политикой. Внутренняя же строилась по так называемым келлиотским правилам: монахи, до того обычно знатные и состоятельные люди, сделав денежный или вещевой вклад в монастырь, жили в отдельных кельях, которые могли устраивать на собственные средства. Они владели имуществом, которое могли завещать за пределы монастыря, например, родственникам; отдельно и на свои средства питались и одевались. Образ жизни монаха во многом зависел от величины вклада, сделанного им в монастырь. Были даже монахи богатые и находившиеся у них в услужении монахи бедные. Строгого устава не было. Подчинялись монахи настоятелю только лишь в самых важных вопросах, касающихся жизни обители. Неимущему человеку путь в такой монастырь был закрыт: в житии преподобного Феодосия Печерского (XI век), рассказывается, как он, решив стать монахом, обходил киевские обители, но везде получал отказ из-за своей бедности и незнатности происхождения.

В XIV–XV веках, в условиях духовного возрождения после монголо-татарского погрома, под влиянием афонских традиций появляются на Руси монастыри, более соответствующие идеалам и сути монашества. Это были монастыри «нового типа» – пустыни. Устраивались они не по велению князей или бояр, не стараниями архиереев, не щедротами купцов, а «стихийно», вдали от городов и населенных мест, обычно людьми не особенно богатыми или знатными. С самого начала это были совсем небольшие монашеские общины. Дальнейшая их судьба могла быть двояка – одни пустыни быстро приходили в упадок и бесследно исчезали, другие, благодаря исключительным подвижническим качествам своих основателей и их организаторской энергии, приобретали известность, разрастались братией, становились важными духовными центрами. В новых монастырях, в отличие от келлиотских, действовали общежительные правила. Братия представляла собой единую общину, живущую в равных условиях, вела одно хозяйство и имела общее, т. е. монастырское, имущество. Принимались в такой монастырь люди всякого звания и имущественного положения, обязательного денежного или имущественного вклада при этом с них не спрашивали.

Настоятель в общежительных монастырях был отцом и учителем по отношению к братии, беспрекословно ему подчиняющейся, а равные друг другу иноки – братьями и друзьями. Именно общежительные монастыри, по словам жившего в XVIII столетии святителя Филарета (Дроздова), составили столп монашества. В XVI веке на общежительный устав было переведено большинство русских монастырей.

К монастырям нового, пустынного типа принадлежала и Оптинская обитель. В ней, как это было свойственно монастырям-пустыням, также был введен общежительный устав. Правила, действовавшие в первоначальной Оптиной пустыни, очевидно, были для него традиционными.

Преподобный оптинский старец Варсонофий о монашестве

«Монашество... есть блаженство, какое только возможно для человека на земле, выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ ко внутренней жизни. Блаженство внутри нас, надо только открыть его».

Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: в 2 т. М.: Дар, 2009. Т. 1. С. 520.

Возглавлял монастырь настоятель. Первым настоятелем нового монастыря обычно становился его основатель. В Оптиной пустыни, первоначально небольшой по размеру, до начала XVIII века настоятельство было строительское, т. е. отец-настоятель имел должность строителя, в то время как более крупные монастыри возглавляли игумены и архимандриты. Выбирать настоятеля предписывалось не по летам, а по способностям и заслугам. Главной обязанностью его было попечение о духовном преуспевании братии и об имуществе, находящемся в распоряжении монастыря или в его собственности. А также наблюдение за строгим соблюдением братией монашеских обетов и правил, о регулярном и благочинном исполнении богослужения, надзор за монастырским хозяйством. Должен был настоятель и поучать братию своим примером и пастырским словом. В управлении общежительным монастырем настоятель имел широкие права. Авторитет его был непререкаем, монашеская братия была обязана ему повиноваться и не могла прекословить его решениям. При нарушении правил монастырской жизни, непослушании, настоятель мог налагать на провинившихся разного рода взыскания.

Но безграничной властью настоятеля в средневековом русском монастыре не была. Как писал в XVI веке в уставной грамоте, данной Свято-Духову монастырю, святитель Макарий, новгородский архиепископ, а позже митрополит Московский и всея Руси, следует «жить игумену по-чернечески и иметь любовь ко всей братии, а не выситесь властительски; братии же иметь игумена своим отцом и учителем, слушаться его во всем и к нему приходить для исповеди» [7 - Макарий (Булгаков), архиеп. История русской церкви. СПб.: Тип. Ю. А. Бокрама, 1874. Т. 7. Кн. 2. С. 72.]. По особенно важным вопросам, касающимся жизни монастыря, настоятель должен был принимать решения, посоветовавшись со всей братией, по менее значимым – с наиболее уважаемыми монахами.

О положении дел в монастыре настоятель отчитывался епархиальному архиерею. Тот рассуживал и споры настоятеля с братией, если таковые случались. До конца XVIII века Оптинская обитель входила в епархию Сарскую и Подонскую. Возглавлявшие ее архиереи первоначально имели резиденцию в столице Золотой Орды, в городе Сарае. В 1454 году сарский и подонский епископ Вассиан перебрался в Москву и поселился на Крутицком подворье (отчего епархию позже переименовали в Крутицкую). Преемники Вассиана занимали важное место в русской церковной иерархии, а с 1589 года стали

митрополитами.

Нередко новый настоятель на деле назначался предшествующим. В XVII веке это стало общим правилом. Если назначения не происходило, к примеру, когда кончина действующего настоятеля происходила неожиданно, то новый должен был избираться братией. Результаты выборов записывались в особой «излюбленной» грамоте. В ней указывалось, кого монахи «излюбили» и выбрали в настоятели, перечислялись его права и обязанности. Братия подписывала излюбленную грамоту, обязуясь повиноваться настоятелю, «покоить и кормить» его по достижении старости. С этой грамотой новоизбранный настоятель для утверждения в должности отправлялся к епархиальному архиерею.

В управлении обителью настоятель опирался на иноков, отвечающих за те или иные стороны жизни монастыря. Основные монастырские послушания и должности были определены монашескими уставами, созданными еще в Византии. Но в деталях они различались в зависимости от каждого конкретного монастыря и его размеров. Чем крупнее была обитель, тем больше в ней было «узкоспециальных» должностей и послушаний.

Важными в старинном русском монастыре были должности келаря и эконома. Келарь был главным помощником настоятеля в ведении монастырского хозяйства. В его обязанности входило хранение монастырской казны, выдача и прием денег, надзор за своевременным поступлением средств с монастырских владений, ведение расчетных книг и др. Также келарю доверялось хранение и распределение съестных припасов, прием гостей обители. В службах, связанных с монастырской трапезой, келарю помогали подкеларники, чашники и подчашники. В управлении же монастырскими владениями келарю содействовали посельские старцы и приказчики.

Первым помощником келаря был эконом, или ключник. В его ведении находились монастырские амбары и хранилища, кухня, конюшни, скотный двор и др. Эконом избирался братией на определенный срок. В крупных обителях, с большим числом насельников и немалым имуществом, у эконома были свои помощники – хлебник, трапезник, конюший, ризничий с подризничими.

В малых монастырях хранение казны и расход монастырских денег могли поручаться не келарю, а казначею, как это было в ранней Оптиной обители, где казначей, по должности, был вторым лицом после настоятеля, которому лично в своем послушании и отчитывался. В бедных обителях, какой длительное

время, опять же, была и Оптиная пустынь, перед казначеем стояла задача изыскивать средства на разные нужды монастыря и на пропитание братии. А когда над монастырем нависала угроза голода, доходило до того, что казначей сам отправлялся на поиск благодетелей и сбор милостыни.

Уставщик (епископ, типик) отвечал за проведение в монастыре церковных служб, следил за соблюдением устава, за распорядком дня монахов. Пономарь следил за порядком в храме. Он зажигал и гасил церковные свечи, лампы, паникадила, звонил в колокол или било, отпирал и запирали церковь, хранил ключи от нее.

Преподобный оптинский старец Макарий о церковной молитве

«О церковной же молитве знайте, что она выше домашней вашей молитвы, ибо она возносится от целого собора людей, в числе которых, может, много есть чистейших молитв, от смиренных сердец к Богу приносимых, которые Он приемлет, как кадило благовонное, с которыми и ваши, хотя немощные и ничтожные, приемлются».

Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского / сост. архим. Иоанн (Захарченко). Введенская Оптиная пустынь, 1997. С. 299.

Существовали также должности, обладатели которых должны были обеспечивать общий порядок в монастыре. Так, мог назначаться особый монах-будильник: ему поручалось пробуждать настоятеля и братию к заутрене. Подняв настоятеля, он обходил кельи, ударяя в било и призывая их обитателей к пробуждению. Когда вся братия была на ногах, пономарь созывал ее в храм большим билом или колоколом. За тем, чтобы монахи не покидали монастырь без разрешения, не бездельничали и не предавались праздным разговорам, следили «надзиратели», сообщавшие о поведении иноков настоятелю.

Наконец, за приходом монахов в обитель и их уходом наблюдал сторож, которому поручалось открывать и закрывать Святые врата – главный вход в обитель. В небольших монастырях, где не было больничного монаха, сторож должен был служить заболевшим братьям.

Исповедовал монахов сам настоятель. В других случаях, по его благословлению, для всей обители назначался духовник, на которого возлагалось духовное окормление братии, ее исповедание.

Много было послушаний, связанных с отдельными сферами монастырского хозяйства. Помимо постоянных послушаний, монахи исполняли многообразные разовые поручения настоятеля[8 - Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002 (Живая история: Повседневная жизнь человечества). С. 86-92.].

Из житий святых и сохранившихся монастырских документов можно узнать о бытовой стороне жизни новооснованных обителей. Жили монахи в отдельно стоящих кельях – срубленных из дерева избах. В строительном материале в Оптиной пустыни недостатка не было: повсюду вокруг высился отличный сосновый лес. Обычно келья состояла из одного или двух отапливаемых помещений – жилого и теплых сеней. Холодные сени выходили на задний двор, где располагался нужник и хранился запас дров. Келья воспринималась как убежище монаха от соприкосновения с миром и связанных с ним искушений. Здесь он проводил время, не занятое монастырскими службами и послушаниями – в молитвенном уединении, за чтением книг и ручной работой.

Преподобный оптинский старец Макарий о вступающих в монашество

«Отвержение себя вступающим в наше звание состоит в отвержении своего разума и своей воли и в терпении последующих за этим скорбей, надо к этому подготовиться и сообразоваться со своими силами, душевными и телесными».

Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: в 2 т. М.: Дар, 2009. Т. 1. С. 286.

Распорядок дня в средневековом русском монастыре зависел от времени года и продолжительности светлого времени суток. День в обители начинался перед восходом солнца, с заутрени, продолжавшейся четыре-четыре с половиной часа. Затем монахи расходились по кельям или отправлялись на послушание. Спать после заутрени запрещалось. Летним днем, через четыре часа после заутрени, начиналась обедня, длившаяся обычно два часа. После нее монахи отправлялись

на трапезу, занимавшую час или полтора. В летнее время после трапезы дозволялось час-другой отдохнуть. Зимой, когда день был короток, на отдых время не выделялось. Спустя три-три с половиной часа после трапезы начиналась вечерня, длившаяся от часа до двух. После нее устраивался занимавший час ужин. Если ужина не было, это время надлежало провести уединенно, в келье. Затем монахи вновь отправлялись в церковь к повечернице, продолжавшейся около часа. После нее братия расходилась по кельям для сна, которому предшествовало исполнение важной части келейного молитвенного правила – вечерней молитвы[9 - Романенко Е. В. Указ. соч. С. 135–136.].

Преподобный оптинский старец Лев о молитве и молитвенном правиле

«Коликие бы ни восстали волны на твою душу, всегда прибегай ко Христу. Спаситель, Он придет на помощь и укротит волны». «Если случится вам сделать упущение правила по какой-либо благословной вине, то это совершайте смирением и покаянием, но будьте же и осмотрительны, т. е. чтобы не лениости ради это было».

Симфония по творениям преподобных Оптинских старце: в 2 т. М.: Дар, 2009. Т. 1. С. 80–81. Т. 2. С. 122.

Из сохранившихся текстов можно узнать, как и чем питались основатели монастырей и их первые насельники. Ушедшие в пустынь «начальники» обителей в пище были крайне непритязательны, а иной раз очевидцев изумляло, что тем вообще удавалось выживать. Таков пример преподобного Александра Свирского, основателя Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, прожившего отшельником семь лет и питавшегося ягодами и кореньями, а когда и того не было – травой, перетертой пополам с землей. Когда преподобный Александр был встречен случайным охотником, тот поразился истощенному виду отшельника. Преподобный рассказал, что поначалу из-за такой пищи мучался ужасными болями, но затем ангел Господень его от них исцелил.

В теплых краях, где зародилось монашество, иноки могли вкушать плоды дикорастущих деревьев и растений: в Египте, к примеру, финики, а на Афоне – каштановые орехи. В гораздо более суровых условиях русской природы такой возможности не было. Утолять голод насельникам новооснованных обителей приходилось плодами тяжелого труда. Основой питания, как правило,

становились овощи, выращенные на устроенных при монастыре огородах – в средней русской полосе это были обычно капуста, огурцы, горох. Важной составляющей в рационе монахов была неприхотливая в уходе за ней репа. Репу можно было и варить, и парить, и печь. Из нее же готовили квас, являвшийся для насельников монастыря основным напитком. Хмельное питье было запрещено. Когда же хозяйство обители прирастало скотом, то листья и квасная репная опара шли ему на корм. Скучная растительная пища монахов дополнялась выловленной ими рыбой. Рыба являлась основной пищей в непостные дни, а также разрешалась в некоторые посты. Подспорьем в питании были грибы и ягоды. В лесу, окружавшем Оптину пустынь, по сохранившимся рассказам, имелось «неисчерпаемое богатство разного сорта грибов и ягод, особенно земляники и брусники». Иногда, если позволяли природные условия, на обрабатываемой мотыгами примонастырской земле выращивался хлеб. В Оптиной пустыни из-за песчаной почвы такой возможности не было. Так что хлеб оптинским монахам приходилось приобретать в миру, выменивать его у окрестных крестьян или горожан на предметы своего рукоделия и другие продукты.

Вкушать пищу монахи должны были во время совместных трапез. Делать это в кельях разрешалось только по болезни или старческой немощи. И настоятелю, и рядовым инокам пища полагалась одинаковая, «всем равная». Ей следовало быть, как предписывал устав, «простой, скромной, легко приобретаемой... за малую цену», не состоящей более, чем из трех блюд[10 - Романенко Е. В. Указ. соч. С. 21-22, 53.].

Преподобный оптинский старец Амвросий о воздержании в пище

«Кто же питается роскошными снедями и пьет дорогие пития, того мысль не может возноситься горе, а бродит и пресмыкается долу по земле».

Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев: в 2 т. М.: Дар, 2009. Т. 1. С. 365.

Жизнь новооснованных пустынных обителей была полна опасностей. Вокруг бродили дикие звери: по свидетельству очевидцев, еще и в начале XX века к самой Оптинской обители, не страшась, выходили волки. Но куда страшней зверей нередко были люди, охваченные злобой и ненавистью. Бедствием для

пустынных монастырей стали разбойничьи нападения. Не раз пустыни грабили и разоряли злодеи, думавшие найти в новоустроенных обителях несметные богатства. Иной раз монахам удавалось вразумить разбойников и отворотить их от злых замыслов. Но бывало, что нет, и тогда судьба братии, и в первую очередь, ее настоятеля складывалась трагически. Так случилось в 1628 году, когда разбойники напали на недавно основанный Ущельский Иовский монастырь. Злодеи, надеясь выведать у настоятеля, преподобного Иова, где находятся якобы спрятанные богатства, жестоко его мучили, били, таскали по земле, жгли огнем, а потом, так ничего и не найдя, обезглавили[11 - Романенко Е. В. Указ. соч. С. 25.]. Перед такими нападениями монастыри были беззащитны: помощь если и приходила, то слишком поздно.

Таковы были нелегкие условия, в которых возникали и переживали свое становление новые русские монастыри. Что же известно о событиях ранней истории Оптиной обители? К сожалению, очень мало. Подобно другим монастырям, основанным в землях, пограничных с литовскими, стратегически важных, иной раз она попадала в поле зрения центральной власти. Есть предположение, что во второй половине XVI века Оптина пустынь была посещена Иваном Грозным. Царь, внимательно относившийся к пограничным областям, дважды бывал в Козельске – в 1563 и 1566 годах. По мнению Л. А. Кавелина, «более чем вероятно, что при сих посещениях и сопредельная Козельску Оптина пустынь видала у себя грозного государя»[12 - Кавелин Л. Историческое описание... С. 19.].

Известно также, что в 1589 году в Оптиной обители была возведена деревянная церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, простоявшая сто лет. Построена она была на средства «засечных сторожей» – пограничников того времени, охранявших «засеки» – деревоземляные укрепления, устраиваемые на пути вражеских набегов. Издревле «профессиональным» праздником русских порубежников был праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Неслучайно позже, уже во времена Российской империи, он особо отмечался Отдельным корпусом пограничной стражи, а ныне этот праздник считается храмовым для пограничников Российской Федерации. Вот и в XVI веке празднику Введения посвятили новую церковь в приграничной пустыни. Вероятно, и сама Оптиная обитель стала местом молений русских воинов и воевод, выступавших на защиту беспокойных козельских рубежей.

Начиная с 1598 года, Россию захлестнули многообразные беды – сначала случилась череда неурожайных лет, следствием которых стали голод, нестроение в государстве. Наступило Смутное время. Ослабление страны привело к иноземному вторжению. В 1605 году трон в Москве при поддержке поляков и обманутой части русского общества занял самозванец, беглый монах Григорий Отрепьев, выдававший себя за чудом спасшегося много лет назад царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, и вошедший в историю как Лжедмитрий I. Но пришлый авантюрист на престоле продержался недолго. После его свержения последовали война Василия Шуйского, посаженного боярами на освободившийся трон, с «воеводой» самозванца И. Болотниковым, поход на Москву нового самозванца – Лжедмитрия II. По окраинам как грибы стали появляться новые «царевичи Дмитрии» и его самозванные «родственники». По всей стране царили безвластие, произвол и беззаконие. Польский король вторгся в русские пределы и после двухлетней осады захватил героически оборонявшийся Смоленск – важнейшую крепость на пути к Москве. А растерявшиеся и позабывшие об интересах своей страны и своего народа московские бояре не придумали ничего лучшего, как пойти на предательское соглашение с королем и призвать на московский трон его сына Владислава, позволили ввести в Кремль польский гарнизон. Смертельная угроза нависла над самой русской государственностью и правом русского народа на независимость, самоопределение и над его православным вероисповеданием, неугодным польским захватчикам – ревностным католикам, стремившимся стать хозяевами в стране.

Митрополит Макарий (Булгаков) о Смутном времени

«Едва только учреждено было патриаршество в России и еще не успело достаточно проявить себя, как для Отечества нашего настало так называемое Смутное время, – время самозванцев и других искателей царского престола, время страшного разорения и опустошения русской земли, а вместе и русской церкви. Чрезвычайно страдали тогда все жители России: страдали с ними и духовные пастыри и архипастыри, гибли села, города, целые области: разрушались и разграблялись и храмы Божьи, монастыри, архиерейские дома, церковные имения. Подавлены и глубоко расстроены были все отправления как государственной, так и церковной жизни».

Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. СПб.: Тип. Р. Голике, 1881. Т. 10. Кн. 1. С. 202–203.

Не миновало смутное лихолетье и Козельской земли. Козельск и его округа из-за своего важного стратегического положения превратились в прибежище и «проходной двор» для сторонников разномастных враждующих между собой политических сил, да и просто для разбойничьей вольницы, привольно живущей в условиях всеобщего хаоса. Кого здесь только не было за время Смуты – беспрепятственно гуляли по козельским землям татары, польские и литовские «воинские люди», «воровские казаки», сторонники самозванцев, обычные банды, которым политические раздоры были вовсе не интересны, в отличие от возможности безнаказанного грабежа. В 1607 году Козельск, поддержавший самозванца, осаждали царские воеводы. Но самым страшным для Козельской земли стал сентябрь 1610 года, когда в ее пределы ворвались находившиеся на польской службе запорожские казаки. Они учинили страшное разорение, много людей убив, многих уведя в плен. Не избежал погрома и сам Козельск. Об этом рассказал в своей «Летописи Московской» очевидец – живший тогда в России немец, лютеранский пастор Мартин Бер. Он пишет, что «вольные люди; в два часа овладели беззащитным городом, побили 7000 человек, и, предав его пламени, увели в плен князей, бояр, воеводу... жены и дети их также достались в руки поляков (т. е. казаков на польской службе – А. К.); все добро их было разграблено»[13 - Мартин Бер. Летопись Московская, с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1859. Ч. 1. С. 123. См. также: Кавелин Л. Историческое описание... С. 24.]. Новым разорениям Козельская земля подвергалась и в последующие годы. В 1613 году Козельск был поляками вновь разорен и обращен в пепел. Только после подписания в 1618 году перемирия с Польшей в Козельской земле была восстановлена власть Москвы, и воцарился относительный мир, иногда нарушаемый татарскими набегами, которые, однако, ни по своим масштабам, ни по последствиям уже не шли ни в какое сравнение ни с предыдущими вторжениями крымчаков, ни с бедствиями Смуты.

Во всех войнах вожделенной добычей для разорителей были монастыри, манящие любителей легкой наживы реальными, а нередко вымышленными богатствами. Многие монашеские обители в Смутное время были до основания разорены поляками и шведами, сожжены дотла, а братия частью их истреблена, частью изгнана. То же происходило в Козельской земле и соседних с ней областях. Так, в 1610 году в Козельске во время учиненного запорожцами погрома был жестоко разграблен Вознесенский монастырь. А три года спустя жертвой поляков стал другой, располагавшийся в 70 верстах от Козельска и

также носивший имя Оптина – Троицкий Рождества Богородицы в городе Болхов. Вряд ли миновала скорбная участь и Оптину пустынь. Но разорение удаленной от города, расположенной в лесах обители на фоне козельских бедствий, других ужасов Смуты осталось летописцами, похоже, незамеченным: повсюду тогда происходили страшные вещи. Поэтому и того, когда и как оно случилось, мы точно не знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лаврентьевская летопись [Суздальская летопись. Продолжение по Академическому списку] // Полное собрание русских летописей. Л.: АН СССР, 1928. Т. 1. Вып. 3. Стлб. 522.

2

Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. Т. 12. С. 250.

3

Кавелин Л. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи. СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1847. С. 4.

4

Кавелин Л. Историческое описание... С. 11.

5

Кавелин Л. Историческое описание... С. 1-2.

6

Четвериков С., прот. Оптина пустынь // Четвериков С., прот. Правда христианства. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей древней истории, 1998. С. 341-342.

7

Макарий (Булгаков), архиеп. История русской церкви. СПб.: Тип. Ю. А. Бокрама, 1874. Т. 7. Кн. 2. С. 72.

8

Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002 (Живая история: Повседневная жизнь человечества). С. 86–92.

9

Романенко Е. В. Указ. соч. С. 135–136.

10

Романенко Е. В. Указ. соч. С. 21–22, 53.

11

Романенко Е. В. Указ. соч. С. 25.

12

Кавелин Л. Историческое описание... С. 19.

13

Мартин Бер. Летопись Московская, с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1859. Ч. 1. С. 123. См. также: Кавелин Л. Историческое описание... С. 24.

Купить: https://tellnovel.com/konoplenko_andrey/optina-pustyn-istoriya-mesta-i-svyatyn-nastavleniya-starcev-sovremennaya-zhizn

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)